
М. М. КРОМ

**КАНЦЕЛЯРИИ И ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКИХ КНЯЖЕСТВ
ЛИТОВСКОГО И МОСКОВСКОГО В XV–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XVI в.: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА***

Исследователи уже не раз сравнивали исторические судьбы двух крупнейших держав позднесредневековой Восточной Европы — великих княжеств Литовского и Московского. При этом особое внимание уделялось сопоставлению политических институтов и, в частности, аппарата власти изучаемых стран.¹ Однако великокняжеские канцелярии двух названных государств до сих пор не становились предметом сравнительного изучения (если не считать нескольких беглых замечаний, сделанных в книге М. Е. Бычковой²). Разумеется, в рамках небольшой статьи невозможно затронуть все аспекты этой большой темы, поэтому я остановлюсь лишь на нескольких ключевых моментах: речь, в частности, пойдет о различных культурных влияниях, отразившихся в формах делопроизводства, соответственно, в Литве и Москве, а также об осо-

---

* Статья написана в рамках исследовательского проекта, поддержанного Фондом имени Александра фон Гумбольдта (Rückkehrstipendium, 2009).

¹ *Pelenski J. Muscovite Russia and Poland-Lithuania, 1450–1600: State and Society — Some Comparisons in Socio-Political Developments // State and Society in Europe from the Fifteenth to the Eighteenth Century / Ed. by Jaroslaw Pelenski. Warsaw, 1985. P. 93–120; Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996; Grala H. Diacy i pisarze: wczesnonowozyczny aparat władzy w Państwie Moskiewskim i Wielkim Księstwie Litewskim (XVI–pocz. XVII w.) // *Modernizacja struktur władzy w warunkach opóźnienia. Europa Środkowa i Wschodnia na przełomie średniowiecza i czasów nowożytnych / Red. M. Dygo, S. Gawlas, H. Grala. Warszawa, 1999. S. 73–91; Кром М. М. Россия и Великое княжество Литовское: два пути в истории // «Английская набережная, 4»: Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. 2000 г. СПб., 2000. С. 73–100; Rusina E. La similitude du dissemblable. La Russie et la grande-principauté de Lituanie, XIVe–milieu du XVIe siècle // *Cahiers du monde russe. Janvier–juin 2005. Vol. 46/1–2. P. 39–49.***

² *Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское... С. 20–22, 25–30.*

бенностях канцелярской практики, за которыми просматриваются различия в структурах государственного управления обеих стран.

Сравнение работы канцелярий двух соседних держав значительно осложняется тем обстоятельством, что интересующие нас аспекты этой темы далеко не равномерно освещены в существующей научной литературе, посвященной истории Великого княжества Литовского, с одной стороны, и Московского государства — с другой. Так, на сегодняшний день, благодаря усилиям польских, российских и белорусских ученых, деятельность канцелярии литовских великих князей в XV–первой половине XVI в. изучена сравнительно неплохо.³ Но о московской великокняжеской канцелярии мы по-прежнему знаем очень мало. Хотя исследователи пишут о ее зарождении во второй половине XIV–первой четверти XV в.⁴ и об активной деятельности в эпоху правления Ивана III,⁵ но контуры этой «канцелярии» как некой организационной структуры остаются совершенно неясными: кто ее возглавлял, как распределялись функции между дьяками? Имеющиеся исследования не дают ответа на эти вопросы, а детальный просопографический анализ карьер многих десятков дьяков XV–XVI вв.,⁶ важный сам по себе, не может заменить выяснения организационных форм их работы.

Располагали ли московские государи особым учреждением — канцелярией? По мнению С. М. Каштанова, такого учреждения просто не существовало: «В России XIV–XVI вв., — пишет ученый, — централизованной государственной канцелярии не было, и акты выдавались различными ведомствами — главным образом Казной, Большим дворцом, в первой половине XVI в. — также областными дворцами, а со второй

---

³ О канцелярии Великого княжества Литовского в различные периоды его истории см.: *Kosman M.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda // *Studia Źródloznawcze.* 1969. Т. 14. С. 91–119; *Топалова Т. В.* Задачи изучения истории великокняжеской канцелярии Жигимонта I Старого периода канцлерства О. М. Гаштольда: (По материалам книг-копий Литовской Метрики, 1522–1539 гг.) // *Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода.* М., 1992. С. 5–27; *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995. Rozdział I: Kancelaria litewska w czasach Aleksandra. S. 13–42; *Груша А. І.* Канцелярыя Вялікага князства Літоўскага 40-х гадоў XV–першай паловы XVI ст. Мінск, 2006. Отдельная тема — изучение архива канцелярии ВКЛ, так называемой Литовской метрики, чему посвящена обширная научная литература; см., например: *Бережков Н. Г.* Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 г. М.; Л., 1946; Литовская метрика: Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. Вильнюс, 1988; Исследования по истории Литовской метрики: Сб. науч. трудов. М., 1989 (здесь же подробная библиография); *Lietuvos Metrika: 1991–1996 metų tyrimėjimai.* Sudarė Z. Kiaura ir A. Urbanavičius. Vilnius, 1998; *Metriciana: Dаследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага.* Мінск, 2001–2004. Т. 1–3.

⁴ *Водов В. А.* Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV–1425 г.) // *Исторические записки.* М., 1979. Т. 103. С. 325–350.

⁵ *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 89, 91, 92, 97–98, 102, 150 и др.

⁶ *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV–первой трети XVI в. // *Исторические записки.* М., 1971. Т. 87. С. 219–286; *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства... С. 159–272.

половины XVI в. — и приказами». ⁷ В свете этого важного наблюдения (к которому нам еще предстоит вернуться ниже) получает удовлетворительное объяснение тот факт, что обширной литературе, посвященной канцелярии Великого княжества Литовского, не находится соответствия в историографии Русского государства.

Отмеченная выше «асимметрия» научных исследований обнаруживается и в изучении канцелярской продукции, т. е. официальных актов двух обсуждаемых здесь средневековых держав. Но в данном случае «преимущество» оказывается уже на другой стороне: дипломатика русских актов — благодаря трудам в первую очередь С. М. Каштанова — разработана очень основательно, ⁸ чего нельзя пока сказать о литовской дипломатике, находящейся в стадии становления. ⁹ Все русские акты до начала XVI в. изданы; значительная часть великокняжеских и царских грамот XVI в. каталогизирована, что позволяет вести подсчет их примерного количества за изучаемый период. ¹⁰ Однако аналогичная работа в отношении официальных актов литовских господарей еще далека от своего завершения, и поэтому сопоставление объемов канцелярской продукции двух соседних держав в XV–XVI вв. пока остается невозможным.

Зато ничто не мешает нам сравнить формы делопроизводства в Литовском и Московском великих княжествах и попытаться увидеть в них отражение разных культурных влияний и традиций.

Потребность в письменном делопроизводстве возникла в обоих княжествах примерно одновременно: первый известный нам документ Московской Руси — духовная грамота Ивана Даниловича (Калиты) — датируется 1339 г.; ¹¹ к той же эпохе относятся и внешнеполитические послания литовского великого князя Гедимина (документы внутреннего управления получили распространение в Литве только после крещения страны, с конца XIV в.). ¹²

⁷ Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 167–168.

⁸ Каштанов С. М. 1) Очерки русской дипломатики. М., 1970; 2) Русская дипломатика; 3) Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996; и др.

⁹ Ряд наблюдений над разновидностями литовских канцелярских документов был сделан в связи с изучением Литовской метрики; см., например: Хорошкевич А. Л. Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 47–74. Классификация актов и правила их оформления в канцелярии ВКЛ рассмотрены в недавно защищенной диссертации А. Е. Рыбакова: Рыбаков А. Е. Общее делопроизводство в центральном аппарате государственного управления Великого княжества Литовского в XVI в.: Дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1999.

¹⁰ См.: Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. [Ч. 1] // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 302–376; то же. Ч. 2 // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 129–200; Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3 // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 197–253. Об общей численности актов, ежегодно выдававшихся великокняжеским (с 1547 г. — царским) правительством в XVI в., см.: Каштанов С. М. Русская дипломатика. С. 168.

¹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Л., 1950. № 1 (а, б). С. 7–10.

¹² Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 189–190.

Темпы развития делопроизводства в государствах на восточной периферии Европы оказались в общих чертах сходными: до начала XV в. и литовские, и московские великокняжеские акты очень немногочисленны. Резкое увеличение объема документации в обоих великих княжествах происходит опять-таки одновременно — в правление Казимира Ягеллончика (1440–1492) и Ивана III (1461–1505) соответственно. Но организация и формы делопроизводства в двух соседних державах заметно различались.

Отправным моментом в истории литовской великокняжеской канцелярии исследователи считают правление Витовта Великого (1392–1430): именно с его именем чаще всего связывают создание этого государственного института.¹³ Однако, как подчеркнул К. Петкевич, в тот период это была еще не постоянная структура управления, а лишь кружок лично связанных с господарем людей, распавшийся после его смерти; при Казимире канцелярия создается, по существу, заново.¹⁴ Действительно, с начала его правления (а точнее, с 1441 г.) нам известен непрерывный ряд канцлеров, возглавлявших это учреждение.¹⁵ В Русском государстве, как уже говорилось, единая канцелярия так и не появилась. Оформлением великокняжеских грамот занимались государевы дьяки, число и функции которых менялись со временем.

В этой связи нуждаются в пересмотре традиционные представления о России как о более централизованном государстве — по сравнению с соседней Литвой. Если под «централизацией» понимать концентрацию всей власти в столице за счет ликвидации автономии отдельных территорий и сокращения полномочий местной администрации, то в этом отношении московскую модель политической системы можно действительно считать более централизованной, чем литовскую. Но сама организация управления в Москве, особенно в том, что касается учета и регистрации исходящих документов, на поверку оказывается более «рыхлой», менее централизованной, чем в Вильне.

Составление регестов документов королевских канцелярий — примета позднесредневековой Европы.¹⁶ В Великом княжестве Литовском краткие регесты актов, выданных господарем, появились со второй половины XV в. Постепенно они стали более пространными, к ним добавились и полные копии документов. 80-ми гг. XV в. датируются тетради (называвшиеся «книгами»), в которые копировалась дипломатиче-

¹³ Там же. С. 454; *Груша А. И.* Канцелярия Вялікага княства Літоўскага... С. 3.

¹⁴ *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie... S. 13.

¹⁵ Список канцлеров см.: *Груша А. И.* Канцелярия Вялікага княства Літоўскага... С. 140–141.

¹⁶ Раньше всего (в начале XII в.) регесты появились в Папском государстве. В Англии они велись с 1199 г., во Французском королевстве — с начала XIV в. См. предисловие Р. Фавтье в изд.: *Registres du Trésor des Chartes. Tome I. Règne de Philippe le Bel. Inventaire analytique établi par les archivistes aux Archives nationales / Sous la direction de M. Robert Fawtier.* Paris, 1958. P. X.

ская переписка. Впоследствии из этих тетрадей вырос архив канцелярии — известные нам теперь тома Литовской метрики.¹⁷

Тогда же, в 1470–1480-х гг., начались учет и копирование дипломатических документов в Московском государстве. Так возникли посольские книги, самые ранние из которых относятся к сношениям России с Литвой и Крымом.¹⁸ К тому же времени относятся первые разрядные записи, фиксировавшие назначения на должности полковых воевод в армии.¹⁹ В государственной казне хранились также кадастры — писцовые описания различных земель с указанием их владельческой принадлежности.

Но, в отличие от Литвы, централизованный учет в Московском государстве охватил далеко не все виды документации. Например, нет никаких следов копирования судебных приговоров: все известные нам правые грамоты и судные списки XVI в. сохранились в архивах монастырских корпораций и (в незначительной мере) частных лиц, которым они когда-то были выданы.

Механизм учета государевых жалованных грамот раскрывается в царской грамоте князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, выданной 2 декабря 1550 г. на его села и деревни в нескольких центральных уездах страны.²⁰ Документ начинается с изложения челобитья князя, жаловавшегося на то, что ранее имевшаяся у него жалованная грамота на эти владения «утерялась у него у печати у Бориса у Сукина», т. е., очевидно, пропала, дожидаясь своей очереди на приложение государственной печати: этой процедурой ведал печатник Б. Сукин. В ответ на просьбу кн. И. Ф. Мстиславского выдать ему новую грамоту взамен пропавшей царь «велел в книгах дьяком своим досмотрити, какова наша (Ивана IV. — М. К.) жалованная грамота преж сего на те села и на деревни князю Ивану дана...».²¹ Нужная запись была найдена «в книгах в даче дьяков Якова Григорьева да Угрима Львова», и в итоге челобитчику была дана просимая ими грамота.²² Нас в данном случае интересует тот факт, что названные дьяки, Яков Григорьев Захаров Гнильевский и Угрим Левкеин Львов,²³ вели собственные книги учета выданных ими грамот («книги дачи»). Следовательно, единого реестра жалованных грамот не существовало, и, когда требовалось навести какую-то справку, дьяки принимались искать — каждый в своей книге!

¹⁷ Баннионис Э. К вопросу о генезисе книг Литовской Метрики (последняя четверть XV в.) // Литовская Метрика. Исследования 1988 г. Вильнюс, 1992. С. 8–45.

¹⁸ Эти книги опубл.: Сборник Имп. Русского исторического общества. СПб., 1882–1884. Т. 35, 41.

¹⁹ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

²⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983. № 100. С. 110–112.

²¹ Там же. С. 111.

²² Там же.

²³ См. о них: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 119, 308.

Поскольку учет и хранение документов имели характер личного поручения, каждый дьяк становился хранителем подчас уникальной информации, и после его смерти или отставки необходимые сведения могли быть безвозвратно утрачены. О том, с какими трудностями сталкивалась порой верховная власть из-за недостатка информации и как она выходила из затруднительной ситуации, свидетельствует выпись из книги дьяка Тимофея Казакова, относящаяся к сентябрю 1534 г.²⁴

В то время на Русь пришли ногайские купцы, торговавшие лошадьми. Троице-Сергиев монастырь издавна имел право сбора пошлин с торговли лошадьми, но великая княгиня Елена (Глинская), правившая тогда страной вместо своего малолетнего сына Ивана, уменьшила размер монастырской пошлины с восьми до шести денег с лошади. В ответ троицкий игумен Иоасаф «бил челом» регентше, прося сохранить пошлину в прежнем размере («по старине»). Дело было решено в пользу монастыря после опроса бояр: «И князь велики и великая княгини обыскали о том бояр, и боярин Михайло Васильевич Тучков сказал, что отец его был в конюших, а имали при нем Сергева манастыря пошлины с лошади по осми денег. И князь великий и великая княгини игумена Иасафа з братьею пожаловала, велела ныне и вперед пошлину имати по старине, по осми денег с лошади».²⁵

Как видим, в затруднительных случаях власти обращались не к документам государственного архива,²⁶ а к живой памяти свидетелей, помнивших принимаемую за образец «старину».

Итак, в Москве XV–первой половины XVI в. не было центрального органа, подобного литовской великокняжеской канцелярии. Делопроизводство велось параллельно в нескольких дьячих избах. Эти «дьячие избы», упоминаемые в посольской книге под 1542 г.,²⁷ были прообразом будущих приказов.

Уже в том, как было организовано делопроизводство в Литве, можно усмотреть влияние католической Европы. По словам Э. Гудавичюса, Витовт Великий создавал свою канцелярию по образцу канцелярии польского короля, а также великого магистра Тевтонского ордена.²⁸ Московские дьячие избы, возникшие на основе приказов-поручений и эво-

²⁴ Выпись опубли.: *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 437.

²⁵ Там же. В комментарии к этому документу С. М. Каштанов поясняет, что отец М. В. Тучкова Василий Борисович Тучко Морозов был боярином и, вероятно, конюшим в 1479/80–1485 гг. (Там же. С. 438). Очевидно, к этому времени и относятся воспоминания М. В. Тучкова, которыми в 1534 г. он поделился с регентшей Еленой Глинской.

²⁶ Трудно сказать, что собой представлял московский великокняжеский архив к моменту вшествия на престол юного Ивана IV (1533): дошедшая до нас опись царского архива относится к более позднему времени — 70-м гг. XVI в. Но и тогда основное место в нем занимали внешнеполитические документы и судебно-следственные дела по политическим обвинениям (см.: *Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г.* / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 17–44). Можно предположить, что текущая документация, относящаяся к внутреннему управлению, находилась у соответствующих дьяков и, как правило, не передавалась в казну для централизованного хранения.

²⁷ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 148.

²⁸ *Гудавичюс Э.* История Литвы... С. 454.

люционировавшие в сторону приказов-ведомств, едва ли копировали какие-либо зарубежные образцы: скорее их можно считать плодом самобытного развития.

Великое княжество Литовское гораздо в большей степени было открыто различным культурным влияниям, чем его восточный сосед и соперник. Это сказалось и на работе канцелярии, где с 40-х гг. XV в. существовало два отделения: латинское и русское.²⁹ Соответственно, документы составлялись на двух языках: латинском и «русском».³⁰ Но даже в документах, писанных на «русьской мове», чувствуется сильное польское влияние, которое заметно уже в названиях отдельных видов актов. Сравним номенклатуру документов, выходявших во второй половине XV–первой половине XVI в. из-под пера, соответственно, литовских «русских» писарей и московских дьяков (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Номенклатура литовских и московских публично-правовых актов

Виды документов	Великое княжество Литовское	Великое княжество Московское
Родовое понятие документа	лист	грамота
Документ на право владения	данина, лист, привилей, подтверженье	жалованная грамота
Судебное решение	вырок	правая грамота, судный список
Распоряжение	лист	(указная) грамота
Инструкция	наука	память

Как видим, и само родовое понятие документа в Литве («лист»), и самоназвания многих видов документов («привилей», «вырок», «наука» и др.) являются кальками соответствующих польских слов («list» — «письмо, грамота»; «przywilej» — от лат. «privilegium», «привилегия»; «wyrok» — «приговор»; « nauka» — «урок, обучение»). Родовое понятие русского документа («грамота») имеет явно византийские корни («γράμματα») — мн. ч. от «γράμμα», «записи», «книги», «акты» и т. д.), но к этой основе прибавлялись видовые определения, возникшие уже на местной почве: грамота жалованная, правая, указная и т. д. Поэтому византийское влияние выглядит в данном случае как давнее и угасающее со временем по сравнению с сильным и непосредственным воздействием польской традиции на формировавшуюся в XIV–XV вв. литовскую великокняжескую канцелярию.

²⁹ Списки латинских и «русских» писарей канцелярии см.: *Груша А. И.* Канцелярия Вялікага княства Літоўскага... С. 142–157.

³⁰ Это был славянский язык на основе кириллического алфавита, близкий к старобелорусскому и староукраинскому языкам.

Интересно также сравнить формуляры литовских и московских официальных актов. Возьмем для примера два документа на право владения землей, которые выдали своим подданным в одном и том же 1511 г., соответственно, великий князь литовский и король польский Сигизмунд (Жигимонт) I и великий князь московский и «всёя Руси» Василий III. Первый документ (названный в самом тексте «листом»), но позднее при внесении в книгу Литовской метрики, в составе которой и дошел до нашего времени, получивший заголовок «привилей») датирован 29 (!)³¹ февраля 1511 г. и был выдан наместнику г. Черкассы князю Тимофею Ивановичу Капусте на его села в Киевском повете.³² 19 декабря того же года Василий III дал жалованную грамоту игумену Троице-Сергиева монастыря Памве на сельцо Марьинское в Костромском уезде.³³ Формуляры этих документов представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Формуляры актов на право владения землей в Литовском и Московском великих княжествах (1511 г.)

<p>Привилей Сигизмунда I князю Тимофею Ивановичу Капусте на села в Киевском повете, 29 (?) февраля 1511 г.</p>	<p>Жалованная несудимая грамота Василия III игумену Троице-Сергиева монастыря Памве на сельцо Марьинское Костромского уезда, 19 декабря 1511 г.</p>
<p><i>Intitulatio:</i> «Жигимонт, Божью милостью король польский».</p>	<p><i>Intitulatio:</i> «Се яз князь великий Василей Иванович всея Русии...».</p>
<p><i>Promulgatio:</i> «Чиним знаменито сим нашим листом, хто на него посмотрить або чтучи его вслышать, нынешним и потом будучим, кому будет потреб того ведати».</p>	<p><i>Inscriptio:</i> «пожаловал еси Троецкого Сергиева монастыря игумена Памву з братьею...».</p>
<p><i>Narratio:</i> «Бил нам чолом наместник черькасский князь Тимофей Иванович Капуста...» (подробное изложение челобитья и всех обстоятельств дела).</p>	<p><i>Narratio:</i> «что их сельцо Марьинское з деревнями в Костромском уезде в Емыстне, что им дал Дмитрий Хирон Тимофеев сын Синеве к Троице в Сергиев манастырь...».</p>
<p><i>Dispositio:</i> «Ино мы, бачачи его к нам верную а накладную службу и хотячи его к нам охотнейшого и поспешнейшого ку службе нашей мети, з ласки наше, тыи вышеписаныи села в Киевском повете ... (<i>перечисление владений</i>) и подтверждаем то сим нашим листом вечною ему и его жоне, и их детем, и напотом будучим их счадком».</p>	<p><i>Dispositio:</i> освобождение монастырских крестьян от подсудности костромским наместникам и емецким волостелям (за исключением дел об убийстве и разбое).</p> <p><i>Datum.</i></p> <p><i>На нижнем поле привешена круглая красновосковая печать на шелковом шнуре.</i></p>

³¹ В дате привилея допущена ошибка: 1511 год не был високосным, и, следовательно, в феврале указанного года было только 28 дней.

³² Опубл.: Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514) / Parengė A. Baliulis, R. Firkočiūsis, D. Antanavičius. Vilnius, 1995. No. 593. P. 435–436.

³³ Документ сохранился (в подлиннике) в монастырском архиве, опубл.: Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 89. С. 94–95.

<p><i>Corroboratio 1</i>: указание на приложение печати.</p> <p><i>Datum</i>.</p> <p><i>Corroboratio 2</i>: указание на собственноручную подпись короля.</p> <p><i>Corroboratio 3</i>: перечень присутствовавших сановников («при том были...»)</p>	<p><i>На обороте</i>:</p> <p>Титул и имя великого князя.</p> <p>«Приказал дворецкой Василей Ондревич» [Челяднин].</p> <p>Подтверждения 1534 и 1551 гг.</p>
---	--

Сравнивая формуляры литовского и московского документов, мы видим сходную основную структуру акта: начальный протокол, диспозиция, конечный протокол. Различия касаются содержательного объема отдельных элементов (в литовском привилее нарративная часть очень пространна, а в московской жалованной грамоте она занимает всего несколько строк), а также особенностей удостоверения акта. В привилее Сигизмунда I удостоверительная часть включает в себя, помимо печати, собственноручную подпись монарха (что было совершенно чуждо московской традиции!) и перечень присутствовавших при выдаче акта литовских сановников. В Москве жалованные грамоты скреплялись печатью, а также удостоверительными надписями на обороте, содержащими титул и имя государя и (не во всех случаях, но часто) имя боярина, дворецкого или казначея, приказавшего выдать документ. В первом случае перечень панов, присутствовавших в качестве свидетелей при акте господарского пожалования, напоминает о практике средневековых западноевропейских монархий. Во втором случае — пометах чиновников на обороте грамоты, изданной от имени московского государя, — можно увидеть влияние имперской (византийской) традиции.³⁴

Многое в механизмах влияния этих традиций, соответственно, в Великом княжестве Литовском и Московском государстве остается пока неясным. Линии сравнения форм делопроизводства, эскизно намеченные в данной статье, безусловно, нуждаются в более подробной и тщательной проработке. Но перспективность такого рода сравнительно-исторических штудий, посвященных канцелярским практикам стран Восточной Европы, представляется мне бесспорной.

SUMMARY

The paper compares chancellery traditions and types of documentation in two late medieval neighboring countries, Grand Duchy of Lithuania and

³⁴ Предположения о связи удостоверительной части литовских привилеев и московских жалованных грамот, соответственно, с западноевропейской и византийской канцелярскими традициями были высказаны В. И. Мажугой во время обсуждения моего доклада, положенного в основу настоящей статьи. Выражаю Владимиру Ивановичу искреннюю признательность за эти ценные наблюдения.

Muscovite principality. The author maintains, contrary to the conventional wisdom, that Lithuania had a more centralized administrative apparatus than its eastern neighbor, since it possessed a unified grand-princely chancellery, an institution that Muscovite state lacked until the 18th century. A comparative analysis of diplomatic formulas used in official documents leads to a conclusion that polities in question followed different chancellery traditions: the Lithuanian grand-princely chancellery papers copied basic forms of Polish royal documentation while Muscovite charters bore the impact of Byzantine imperial legacy.